

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ



Сергей САМАРОВ

СТЕКЛЯННАЯ
ЛОВУШКА



Сергей Васильевич Самаров

Стекло́нная ловушка

Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27062709

Самаров С. В. Стекло́нная ловушка: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-04-088894-8

Аннотация

Российские ученые разработали уникальный медицинский препарат, повышающий физические возможности военнослужащих. Практические испытания стимулятора должны пройти в реальной боевой обстановке на Северном Кавказе. Туда с особым заданием – выбить засевших в подземных укреплениях боевиков – направляется взвод спецназа ГРУ старшего лейтенанта Олега Кряквина. Считается, что, вдохнув чудодейственный эликсир, бойцы увереннее и быстрее выполнят поставленную задачу. Однако в экстремальных условиях препарат начал действовать совсем не так, как предполагали ученые...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	33
Глава вторая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Самаров

Стеклянная ловушка

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

День в Москве был снежный и слякотный. Сильно текло с крыш. Дворники, насквозь мокрые, работали без перерыва. На Новом Арбате использовали мини-тракторы. Но даже так справиться со снегопадом не удавалось. Едва мини-трактор уносил полный ковш снега, чтобы загрузить его в кузов стоящего на дороге самосвала, как расчищенное место снова заваливало. Таких обильных снегопадов российская столица не видела уже давно.

Из дверей офисного здания вышел высокий широкоплечий светловолосый человек с непокрытой головой и в распахнутом пальто. Осмотрелся по сторонам, взглядом оценив прохожих, после чего обернулся и кому-то кивнул. Из той же двери вышел второй человек, тоже с непокрытой головой, практически лысый, если не считать редкую пушистую поросль ниже затылка и поверх ушей. Но и он вперед не прошел, а придержал дверь, чтобы выпустить еще кого-то.

На третьем человеке легкое демисезонное пальто светло-бежевого цвета было застегнуто до верхней пуговицы под горлом. Сам он был немолодой, толстый, сосредоточенно смотрел себе под ноги, думая, это сразу было заметно, вовсе не о погоде. На голове его была шапка из редкого когда-то золотистого каракуля. В советские времена в Средней Азии

такие шапки носили райсы овцеводческих колхозов¹ и большие чиновники.

Четвертый человек, что вышел из двери, тоже носил пальто распахнутым и тоже был с непокрытой головой. И смотрел по сторонам так же цепко, как и первый.

По внешнему виду любой, кто хоть раз смотрел по телевизору детективный сериал, сразу мог определить в этой группе хозяина-бизнесмена и его охранников. Поведение этих людей было типичным и непрофессионально демонстративным.

Все четверо двинулись к большому люксовому автомобилю, стоящему на парковке по другую сторону тротуара. Первый, высокий и широкоплечий, чтобы не изменять кратчайшую траекторию движения, отодвинул рукой с дороги разговаривающих мужчину и женщину и даже сам, кажется, не заметил этого, настолько был занят наблюдением за тем, что происходит вокруг.

Но даже он не мог увидеть, что из черного внедорожника «Хаммер-3», стоящего неподалеку, из-за тонированных стекол их кто-то рассматривает и при этом держит в руке переговорное устройство. Тонированные стекла не давали возможности увидеть, что происходит в машине, уже с отдаления в три шага, тогда как человек внутри мог прекрасно сле-

¹ Райс колхоза – председатель колхоза. Вообще в тюркских языках слово «райс» считалось не именем, как, например, у российских татар, а соответствовало занимаемой должности и переводилось как «начальник», «уважаемый человек».

дить за окружающей обстановкой.

До группы, вышедшей из офисного здания, оставалось около пяти метров, когда человек в «Хаммере» сказал в переговорное устройство:

– Пора. Работаем...

Идущий первым высокий светловолосый охранник имел опытный глаз и прекрасно реагировал на любое изменение ситуации. Он сразу заметил, что вдалеке, по другую сторону широкой улицы, в жилом доме раскрылось окно. Не по погоде распахнулись обе створки. Но тут же отличное зрение позволило увидеть, что за окном стоит по пояс голый пожилой мужчина с небольшими гантелями, из тех, что считаются женскими или детскими, и выполняет физические упражнения. Это не внушало опасности. И высокий на какую-то секунду расслабился.

Как раз в этот момент распахнулась задняя дверь «Хаммера», оттуда выпрыгнул человек в маске «ночь». И тут же со стороны прохожих за спину группе стремительно двинулись два человека, на ходу разворачивая вязаные шапочки и маски «ночь» и одновременно вытаскивая из кобур пистолеты с глушителями. Глушитель сильно удлинняет пистолет и делает неудобным его скрытное извлечение. Это и сгубило киллеров...

Мужчина, что разговаривал с женщиной посреди тротуара, тот самый, которого первый охранник проходя отодвинул в сторону, среагировал на происходящее подозритель-

но быстро для простого горожанина. Он выглядел нескладно, был высок, сухощав, мосласт и сутуловат, к тому же носил круглые очки в тонкой роговой оправе. Очки вообще делали мужчину академично-беспомощным. Выглядел он как типичный офисный мальчик, хотя по возрасту давно должен был выйти из этой категории. Судя по его дальнейшему поведению, он и вышел.

Едва мимо мужчины и женщины прошли два человека, натягивающие на лицо маски «ночь», очкарик, с невообразимой быстротой просчитав ситуацию, шагнул вперед. Догнал ближайшего киллера со спины и резко, с размахом ударил его ногой в правый бок, жестоко поразив печень и вызвав шоковую боль, от которой тому оставалось только одно – сесть задом в лужу. Второй убийца почувствовал движение, которого в этот момент не должно было быть, услышал звук – удар был смачным – и обернулся через плечо. Но перевести руку с пистолетом за спину не успел. Неожиданный спаситель охранников совершил прыжок и резко ударил нападавшего в область позади уха. Этого хватило для того, чтобы киллер рухнул на мокрый снег.

Тот, что выпрыгнул из машины, свой пистолет приготовил заранее и держал его в руке. Он видел, что случилось с его подельниками, но стрелять в незнакомца из уличной толпы не стал, а взял в прицел человека в светло-бежевом пальто. Тот казался статичной мишенью, не способной быстро среагировать. Но прямо перед тем, как нажать на спуско-

вой крючок, человек из «Хаммера» потерял свою жертву из вида. И тут же сам получил пулю в горло. Стрелял один из охранников.

Но и он уже не видел хозяина. Тот куда-то пропал...

Все оказалось проще, чем можно было подумать. Человек с улицы, что так внезапно начал помогать охранникам, резким ударом плеча затолкнул толстяка в светло-бежевом пальто в пространство между двумя ближайшими машинами, а сам подхватил пистолет киллера, сделал подряд три выстрела через дорогу над крышами идущих по Новому Арбату автомобилей...

* * *

Полиция появилась на удивление быстро: меньше чем через минуту, хотя никто из участников происшествия ее не вызывал. Возможно, кто-то из случайных свидетелей постарался, хотя желающих стать официальными свидетелями в нынешние времена найти трудно.

– Значит, ваша охрана откровенно проспала опасный момент, – сказал бизнесмену полковник полиции и с самодовольным осуждением посмотрел поочередно на каждого из трех охранников. Дескать, уж я бы на их месте промашки не допустил. – И если бы не вмешательство постороннего человека, полного дилетанта в охранных делах, то вскоре могли бы состояться ваши похороны.

Полковнику только что доложили сотрудники, вернувшись из обхода по домам: чтобы попасть в квартиру с открытым окном, пришлось взламывать металлическую дверь. Сразу за порогом там был найден труп пожилой хозяйки с перерезанным горлом, а на кухне два мужских трупа. Один из них – немолодой человек, тот, что изображал зарядку с гантелями, второй – мужчина в черной униформе.

Этот лежал на винтовке с оптическим прицелом, из которой, видимо, должен был стрелять из-за плеча мнимого физкультурника. Затвор передернут, патрон дослан в патронник.

Здесь же валялся лазерный дальномер, определяющий расстояние до цели, по которой предстояло произвести выстрел. Данные на дальномере сохранились, следователи проверили – дистанция совпадала с местонахождением бизнесмена, которого планировали убить: в тот момент он находился рядом со своей машиной.

То есть предполагалось, если трех первых киллеров ликвидирует охрана бизнесмена, в дело вступит снайпер, от выстрела которого спрятаться уже не получится.

Но еще был незнакомый человек, что без чьей-либо просьбы вмешался в события и не только сам обезвредил двоих из нападавших, легко нокаутировав того и другого, но и умудрился выпустить три пули из бандитского пистолета. Причем с достаточно большого для пистолета расстояния. Не все профессионалы умеют так стрелять.

Это сразу было высказано вслух полковником полиции. Первая пуля размозжила голову человеку с гантелями, вторая попала в стену между кухней и ванной комнатой, отчего в самой ванной комнате большим пластом отвалился кафель – это был допустимый промах. Третья, наказав виновного, пробила снайперу бронхи, отчего тот очень быстро захлебнулся собственной кровью.

– Где вы научились так стрелять? – завершая допрос, спросил полковник полиции.

– Я никогда раньше из пистолета не стрелял. Вообще то есть пистолет в руках не держал. Только в кино видел, как стреляют.

– Бить ногами и руками вы тоже не учились? – Полковник заподозрил, что с ним не хотят откровенничать. Это портило ему настроение и заметно отражалось на отношении к фигурантам дела. Раздражение сквозило во взгляде и в тоне разговора.

– Только в молодости, когда в армии служил. Тогда же и из автомата стрелял. Говорили, что стрелял неплохо, но сейчас вот зрение... – Человек протер носовым платком стекла очков и снова водрузил их на нос. И выглядел при этом каким-то виноватым, словно это не он спас чужие жизни, а его самого вынуждены были сегодня спасать.

– А служили где?

– В морской пехоте.

– Это хорошая школа.

– Только уже почти тридцать лет с тех пор прошло. – Мужчина по-детски наивно улыбнулся. – Все как-то само собой получилось. Бил в нужное место и с нужной резкостью, словно тренируюсь постоянно. А уж про выстрелы из пистолета и не говорю. Я как пистолет в руки взял, начал искать глазами предохранитель. Не нашел. И решил попробовать так...

– Это пистолет «Глок», – объяснил высокий и широкоплечий охранник, который не успел даже ситуацию оценить. – У «Глока» предохранителя в привычном нам понимании этого слова не бывает. Там есть два устройства, предохраняющие от случайного выстрела, например, когда вы упадете или пистолет уроните. Первый – на задней плоскости рукоятки. Когда вы рукоятку в руке зажимаете, вы вдавливаете предохранитель. Второй находится на спусковом крючке. Нажимая его, вы сначала предохранитель нажимаете и только потом сам спусковой крючок.

– Да, я почувствовал, что нажатие какое-то странное...

– Я «Глок» не люблю. Не доверяю пластмассе. К металлу привык. – Охранник старательно делал вид, что ничего не произошло, поскольку покушение оказалось неудачным. Надеялся, что эти его мысли передадутся хозяину.

Но тот привык иметь свое мнение. Он положил пухлую руку на локоть своего спасителя:

– Сколько бы вы хотели получать, если бы я пригласил вас на место начальника своей охраны?

– Извините, уважаемый, я слишком интересуюсь своей

собственной работой и не вижу повода ее бросать, – ответил мужчина чуть виновато, но при этом весьма твердо.

– Я не расслышал, где вы работаете? – спросил бизнесмен.

– Я ученый, химик и нейрофизиолог, преподаю в университете. Но основная моя работа – это ассистирование своему учителю в его разработках. Помогаю по мере сил. Может быть, вы слышали про профессора Горохова? Так вот, я его ученик, хотя он не намного меня старше...

– Нет, не слышал. Надеюсь, мы еще встретимся, я умею быть благодарным, – сказал, как пригрозил, бизнесмен.

– Хорошо бы не при таких обстоятельствах, как сегодня, – улыбнулся очкарик...

* * *

Горохов был невзрачный, хилый человек, типичный компьютерный горожанин, случайно и ненадолго выбравшийся из города. Отправляясь в разведку или на операцию, я по одному только внешнему виду забраковал бы его. Не производил он впечатления серьезного бойца, никак не производил. Да и возраст...

Когда человеку под пятьдесят, у него катастрофически теряются основные боевые навыки. Голова еще работает, но тело за ней уже не успевает. Мне лично до этого возраста еще далеко, но я сам слышал, как жаловался наш комбат подполковник Лихоедкин другим старшим офицерам штаба, обос-

новывая тем самым свое желание выйти на пенсию.

– Пытался позавчера вместе с солдатами марш-бросок осилить. Еле-еле сумел. Только на силе воли и на понимании, что нельзя комбату быть слабее солдат, до конца всю дистанцию выдержал. А после этого сразу домой уехал. Сил не было даже в кабинете сидеть. В постель захотелось, под одеяло. А там уж жена знает лучше меня, какие таблетки мне давать, чтобы в себя прийти...

А до этого подполковник Лихоедкин, помнится, выступал перед командирами рот и взводов. Командиры взводов тогда были в большинстве своем молодые лейтенанты, только пришедшие служить в спецназ ГРУ после училища. И я был в их числе. По сути дела, это было напутствие комбата тем молодым командирам, которым он собирался быть наставником. А старшие по возрасту или по званию офицеры, кто уже прочно прижился в спецназе, просто по традиции присутствовали при этом.

– Что такое тренированность организма офицера? – говорил Лихоедкин. – Она должна на порядок превосходить тренированность солдата. Никак не меньше, чем на порядок. И точно так же на порядок должен быть выше боевой дух, который не позволит проявить слабость даже тогда, когда эта слабость, кажется, вот-вот ломает тебе ноги. Когда колени разгибаться не желают, а ноги будто песком набиты. Вот так вот... На порядок... То есть к подготовке солдата приписывается ноль, и получается подготовка офицера спецназа. И до-

стигается это свободно, если, конечно, не лениться. Солдаты придут, отслужат свое и уйдут. Вы обязаны готовить сначала одних, а потом, когда придет следующий призыв, воспитывать новых. И с каждым призывом офицеру следует вместе заниматься и тренироваться. Бесконечный процесс. Так приходит опыт, крепнет тело... Особенно тяжело дается самое начало службы офицера, когда еще не накопился багаж тренированности. Он, я повторяю, накапливается с годами. Как в любом виде спорта. Вот, например, в боксе. Есть же разница в том, кто сколько лет тренируется. И нельзя выпускать на ринг человека, который занимается боксом один год, против того, кто обучается наносить удары десять лет. Там тоже багаж важен. Главное, упорно стремиться этот багаж приобрести. В начале службы офицер будет иметь за плечами только училище. Но это уже опыт, позволяющий быть лучше подготовленным, чем солдаты. Еще не на порядок, но уже – лучше. А потом знания и навыки накапливаются. И служба будет даваться все легче и легче. В этот момент, заранее всех предупреждаю, покажется, что пора и остановиться, иначе на износ пойдешь, рискуешь под откос свалиться. Но это только кажется. Вот я человек уже пожилой, но могу составить конкуренцию любому молодому офицеру.

Тогда еще подполковнику казалось, что он может составить нам конкуренцию. И, скорее всего, так и было. Но подошел очередной возрастной рубеж, и подполковник Лихоедкин стал заметно сдавать. Как-то резко... Неожиданно рез-

ко... Он всю жизнь работал именно «на износ». И «износил» себя. И держался только на воле комбата, то есть старшего офицера в батальоне, командира. А это тоже много... Но и он должен был вскоре уйти на пенсию. Сам стал проситься, не чувствуя уже от себя отдачи, как в былые времена. Конечно, обучать он еще мог, но обучение у нас всегда идет через собственный пример. И с максимальной жесткостью, которую сердобольные солдатские матери могут посчитать жестокостью. И потому матерей в наш военный городок, как правило, не пускают.

Матери наверняка сначала возмутились бы организацией сна. Дома их дети никогда не спали по четыре часа в сутки, как полагается спать почти во всех бригадах спецназа. И температуре в зимних казармах тоже возмутились бы. У нас в России есть положение, чтобы температура в жилых комнатах многоквартирных домов держалась в районе восемнадцати – двадцати четырех градусов по Цельсию. Замеры производятся не менее чем на полметра от стены и на высоте полутора метров.

Но еще более ста лет назад умные англичане, у которых существуют школы отдельно для девочек и мальчиков, определили, что в школах для мальчиков температура должна быть на пару градусов ниже. Тогда мальчики развиваются лучше.

У нас в спецназе взяли этот принцип на вооружение. В солдатской казарме температура не поднимается выше шест-

надцати градусов. Иногда термометры показывают даже пятнадцать. Мы считаем это нормальным. И многие офицеры даже дома стараются поддерживать такую же «казарменную» температуру, что, понятно, не вызывает в семье радости и ликования.

И уж совсем солдатские матери выходят из себя, если им покажут не слишком секретные занятия их детей. На моей памяти был скандал, когда в одной из бригад мать оказалась настолько настойчивой и пробивной особой, что отбиться от нее не сумели и пустили в батальон. Но произошло это еще и потому, что сама она была служащей военкомата в большом городе. Заместитель командира бригады по работе с личным составом посчитал, что присутствие такой женщины пойдет на пользу и ее сыну, и другим солдатам.

На занятиях по ОФП, где никаких секретов нет и быть не может, женщина пришла в ужас. Ее сын, как и другие солдаты взвода, разбивал о свою голову бутылку с водой. А потом она помогала солдатам, когда они вытаскивали из кожи редкие осколки стекла. Женщина посчитала, что это издевательство над молодыми парнями, не понимая, что на таких занятиях солдаты приучаются не обращать внимания на боль и собственную кровь. Такие занятия проводятся всегда и во всех бригадах спецназа ГРУ, и не только у нас, а, как я слышал, и в подразделениях спецназа других ведомств. Но женщина написала жалобу в Генеральный штаб. Скандал, хотя и небольшой, все же был.

С тех пор изредка еще допускают в бригаду отцов солдат, но никогда – матерей. Мужчины бывают в состоянии понять необходимость привычки к боли и крови. Женщинам это понять труднее. Хорошо еще, что тогда, когда эта мать приезжала, занятия по рукопашному бою носили гриф «Секретно», и ее на эти занятия не пустили. Иначе, увидев разбитый нос сына, она подняла бы еще и не такой шум...

* * *

Профессор Горохов не производил впечатления бойца или даже физически подготовленного человека. Тем не менее подполковник Лихоедкин, зная, что по только что измененному расписанию у моего взвода утро следующего дня начинается с тяжелого пятидесятикилометрового маршброска, отправил его ночевать к нам в казарму и приказал мне утром взять профессора с собой. И не забыл при этом подмигнуть. Оба мы – и я, и комбат – были уверены, что профессор Горохов, хотя и уверял нас, что дома бегаёт каждое утро, после первых двух километров предпочтёт вернуться.

Подполковник даже предупредил дежурного по КПП, чтобы профессора, когда он, усталый, вернется назад, запустили в ворота и проводили до казармы, где он будет отлеживаться. Впрочем, уже вечером подполковник предупредил меня, что за нами будет следовать машина с аппаратурой профессора, и попросил меня не препятствовать Горохову

сесть в машину, если он устанет. Я в ответ на такое предложение только усмехнулся:

– Сам его, товарищ подполковник, туда посажу...

Вообще-то Горохов, как я сам слышал, просил допустить его до занятий по «рукопашке». Но он плохо представлял себе, что такое занятия по рукопашному бою в спецназе ГРУ, потому, как подумалось нам, офицерам батальона, и просился, желая показать себя. Комбат послал его с моим взводом на марш-бросок, посчитав, что этого для немолодого ученого будет достаточно, чтобы ощутить разницу между собой и молодыми солдатами спецназа, не говоря уже о тренированных и подготовленных офицерах. И даже ранее утвержденное начальником штаба расписание специально для этого было изменено.

Вообще, мне лично вся эта история не нравилась. Профессор о чем-то договаривался с комбатом, а мне комбат только приказы отдавал, и я не знал, что для чего делается. Обычно, даже выслушивая боевое задание, я получал полное толкование того, что следует делать, что требуется от меня и взвода и какой результат желательно получить. Здесь даже желаемый результат был неизвестен, за исключением того, что подмигивание комбата намекало на его желание измучить профессора.

Наверное, потому, что это и есть наука, утешал я сам себя, а наука требует результата.

Профессор Горохов привез к нам двадцать девять шле-

мов. Двадцать семь – для солдат моего взвода, один для меня и один для себя. Внешне это были обычные шлемы от оснастки «Ратник», только имеющие дополнительную полукруглую антенну, прочно прилегающую к корпусу самого шлема, по сути дела, интегрированную в него и окрашенную в точно такой же зеленый цвет. Сразу эту антенну и не заметишь.

При этом категорически запрещалось надевать шлем на подшлемник, которыми у нас были маски «ночь». Зимой и вообще в прохладное время года мы всегда подшлемники носили. Только летом предпочитали ими не пользоваться, если только не было необходимости работать в масках. Но наши маски «ночь», в отличие от традиционных, были не черного цвета и были сшиты не из трикотажного полотна, а из той же ткани, что и наши костюмы. Маски защищали и от открытого огня, и, что более важно, от просмотра через инфракрасный прибор ночного видения и даже через тепловизор. То есть они не пропускали тепло тела наружу. Тот же тепловизор позволял увидеть только глаза. Но попробуй понять на расстоянии, что это такое!

Антенна на шлеме была металлическая. И я сразу проверил с помощью своего бинокля, не светится ли она в тепловизоре. Оказалось, антенна незаметна.

Но главное отличие новых шлемов состояло в другом. Все они имели собственные подшлемники, в которых располагались некие резиновые присоски, которые при надевании

шлема присасывались к голове достаточно плотно и строго в определенных местах. А внутри присосок находились контакты, которые соединялись с небольшим прибором, размером с портсигар, а сам прибор соединялся уже с нашими коммуникаторами «Стрелец», чтобы в прямом эфире транслировать показания по каналу для командования батальона. Если наш шлем весил только один килограмм и шесть граммов, то вместе с приспособлениями профессора он скорее всего граммов сто пятьдесят – двести добавлял. Не существенно, тем не менее моя голова добавочный вес ощущала. Зачем это нужно, ни мне, ни солдатам взвода тоже никто не объяснил.

Короче говоря, с нами обращались как с лабораторными крысами. Тем тоже бесполезно объяснять, что с ними делают и для чего. Но мы-то не крысы, мы могли бы и понять. Должно быть, профессор Горохов и приехавшие с ним люди были такого же мнения о бойцах спецназа и считали, что мы ни при каких обстоятельствах не сумеем понять то, что они делают. Напрасно, мы вообще-то парни сообразительные...

* * *

В марш-бросок мы отправлялись еще в предрассветной темноте, рано утром, причем в полной выкладке, то есть при оружии, во всей амуниции, в бронежилетах, в шлемах и даже в теплых бушлатах, как положено по времени года.

К моему удивлению, профессор Горохов то ли вообще не ложился, то ли проснулся одновременно со мной. По крайней мере, когда я пришел в казарму – как обычно, не через КПП, а через забор, что находится через дорогу от моего дома, чтобы объявить взводу «подъем», – Горохов уже был на ногах и на голове уже носил шлем. Точно такой же, какие должны были водрузить на себя мои солдаты и я сам. Шлем, передающий через собственный интерфейс данные с нашего мозга.

Бронежилета на Горохове, естественно, не было, как не было у него и автомата с полным магазином патронов, но теплый бушлат, в котором бегать будет жарко, ему все же выделили. К тому же он решил взять с собой и более неудобную вещь.

Видимо, он сам собирал это сооружение и сделал его весьма неумело, так мне показалось. На ремне крепилась небольшая платформа из листового алюминия, похожая на плоский лоток с загнутыми вверх сантиметров на десять краями – там профессор устанавливал свой ноутбук. И так, видимо, собирался бежать.

Это было смешно. Когда глаза смотрят не на дорогу, хотя и расчищенную бульдозером сразу после прошлого снегопада, но все равно скользкую, а в монитор, недолго споткнуться и разбить нос о собственный компьютер, а то и ребра переломать. Что будет в этом случае с самим ноутбуком, оставалось только догадываться, кому больше повезет – Горохо-

ву или ноутбуку.

Тем не менее, когда взвод построился и замком взвода старший сержант Лохметьев доложил мне о готовности подразделения к марш-броску, профессор пристроился на левом фланге вместе со своим сооружением. Правда, перед этим он кому-то позвонил и для разговора отошел в сторону.

Судя по времени, звонить он мог только людям в машине, что должна была следовать позади строя. Другим абонентам звонить было рановато. Разве что куда-то в другой часовой пояс. Времени было – двадцать минут пятого утра. Даже при разнице часовых поясов на европейской территории России звонить профессору было рановато по-любому. Но значительная часть России находится на азиатском материке, где часовые пояса сильно отличаются от нашего времени, обычно называемого «московским». И здесь я не стал утруждать себя догадками, поскольку не знал точно, откуда именно приехал профессор Горохов. А он вполне мог приехать из Новосибирска, из Екатеринбурга, из Омска, Томска и даже с Дальнего Востока.

Мы побежали сразу от казармы. Я, как обычно, задавал темп с самого начала. И, желая отправить Горохова побыстрее в машину, сразу побежал быстрее, чем всегда. До ворот КПП от дверей казармы – один километр. Пронеслись мы его так, что только ветер под шлемом свистел. Помощник дежурного по КПП распахнул ворота.

Сразу за территорией я остановился, не опасаясь за свое

дыхание, и пропустил взвод, как делал это всегда. Но в этот раз мне хотелось хотя бы одним глазом взглянуть на лицо профессора Горохова при свете фонаря, что висел над воротами.

Я с удивлением увидел, что профессор бежал легко, не отставая, смотрел в свой монитор, а в руке, как я сразу заметил взглядом военного разведчика, сжимал какой-то флакончик. Признаться, я подумал, что Горохов – астматик и держит при себе обычный ингалятор, каким пользуются многие астматики. Кстати, слышал я, что среди марафонцев часто встречаются астматики, которым ингаляторы помогают пробежать всю дистанцию. И даже помогают стать победителями или хотя бы призерами. Но я увидел, что профессор не кнопку ингалятора нажимает, а отвинчивает пробку и нюхает содержимое флакончика.

– Георгий Георгиевич, как, темп выдерживаете? – побежал я рядом с ним. – Если что, мы можем бежать медленнее, хотя это не очень желательно.

Профессор словно только что меня заметил, как-то встрепенулся, словно бабочка, и улыбнулся почти по-детски:

– Вполне выдерживаю. Я трехжильный, вы за меня не переживайте...

Кивнув, я рванул вперед, обогнал строй и снова возглавил бег. Но заметил при этом, что Горохов тоже побежал в сторону, показал себя машине, стоящей на парковке неподалеку от ворот, сделал знак рукой и сразу вернулся на свое место.

Машина поехала за нами следом. Это была «Волга», не самая, на мой взгляд, проходимая машина. А я еще вечером думал, что заставлю взвод вместе с Гороховым бежать по промерзлой и частично покрытой снегом пашне. Солдаты моего взвода с такой задачей справятся без проблем. А вот над ученым человеком, кабинетным работником это было, конечно, небольшим издевательством. Но если он взялся бежать с нами, то пусть знает, что такое подготовка солдата-спецназовца.

Если бы профессора сопровождал хотя бы «уазик», дело обстояло бы иначе – тот мог легко справиться с пашней. А вот «Волга» по пашне ни за что не проедет.

Однако, когда подошло время сворачивать с дороги на пашню, я вдруг вспомнил детскую улыбку Георгия Георгиевича и решил пашню из сегодняшней программы исключить. Продолжил бег по асфальтированной, хотя и не очень, дороге. Несмотря на то что выбоины в асфальте были частично засыпаны снегом и утрамбованы, назвать дорогу ровной я бы не рискнул.

Когда мы по мосту миновали небольшую замерзшую речку и начали затяжной подъем в гору, после которого в таких марш-бросках взвод обычно переходит на быстрый шаг, я притормозил, чтобы еще раз проверить самочувствие профессора Горохова. Он, конечно, отстал шагов на двадцать, но продолжал бежать ровно и так же ровно, к моему удивлению, дышал. Не раскрывал рот, как выброшенная на берег

рыба, а даже, как мне показалось, был в состоянии разговаривать.

– Как самочувствие, Георгий Георгиевич? – поинтересовался я с участием, хорошо понимая, как тяжело неподготовленному человеку должны даваться эти километры. – Терпите?

– Терплю... – Он снова улыбнулся как ребенок, с какой-то непонятной мне наивностью. Я тогда еще не понимал, что наивным он считает в данном случае меня, а улыбка у него такая от природы, и он здесь совершенно ни при чем.

– Может, в машину перейдете? – предложил я, увидев, как из-за пригорка показались фары сопровождавшей нас «Волги».

– Спасибо, я лучше бегом. Мне необходимо эксперимент завершить...

– Как хотите... – Мне больше нечего было ему предложить. И без того я проявлял о профессоре заботу, которую не проявлял о своих солдатах, которых, кстати, никогда не сопровождала машина. А солдаты моего взвода были достойны такой заботы. Они уже и бои прошли, и зарекомендовали себя с хорошей стороны, и вообще были ребята что надо!

Я снова побежал в начало колонны, чтобы возглавить ее и задать темп. А на Горохова, на его упрямство, признаюсь, слегка рассердился. И потому темп на крутом подъеме резко увеличил. По ту сторону горки нам предстояло перейти на быстрый шаг, и это дало бы солдатам возможность отдох-

нуть. Значит, темп увеличивать можно. А во время передвижения быстрым шагом не просто разрешается, но и рекомендуется тем, кто чувствует проблемы с дыханием, делать круговые движения руками, чтобы дыхание восстановить. Правда, это упражнение выполняли только единицы, те, кто с детства имеет проблемы с выносливостью. Остальные все были хорошо тренированы и в еще большей степени, чем тренированы, уперты. Могли себе позволить, что называется, на характере бежать и никак свою усталость не показывать. И друг перед другом, и передо мной. Это, кстати, качество, необходимое настоящему спецназовцу, которому порой приходится преодолевать себя в самых сложных обстоятельствах.

Горку мы миновали благополучно. Спустились с нее быстрым шагом и снова перешли на бег. Так, бегом, преодолели следующую горку, за которой была уже ровная дорога на добрых полтора десятка километров.

Где-то в середине этой дистанции я решил снова проверить профессора Горохова. При этом убедился, что и мой взвод уже начал нарушать строй, появилось двое отстающих, они бежали между взводом и Гороховым. Приблизившись ко мне, профессор попросил:

– Вот этих двоих мне пофамильно назовите.

Причин скрывать фамилии солдат я не видел:

– Самойленко и Максимов – тот, что ближе к вам...

– Самойленко и Максимов, – Горохов повторил, видимо, воспользовавшись микрофоном своего ноутбука и записав

фамилии на диктофон, потому что проводить набор во время бега было неудобно. После чего, прямо у меня на глазах, подозвал рядового Максимова, что-то сказал и дал ему понюхать из своего флакончика. Солдат посмотрел на меня, спрашивая разрешения. Я никак не отреагировал. И он понюхал...

* * *

Я снова вспомнил о профессоре только тогда, когда пришло время поворачивать в обратный путь. Вообще-то, хотя марш-бросок у нас официально и называется пятидесятикилометровым, эта величина достаточно условная, строго дистанцию никто и никогда не измеряет. Так что бывает, что мы пробегаем больше, бывает – меньше. Это, по сути дела, не имеет никакого значения. Командир взвода вправе, почувствовав, что солдаты устают, повернуть в обратный путь в любое время. И потому, в отсутствии строгого соблюдения дистанции, мы обычно не разворачивались на месте, а делали определенный круг, чтобы плавно повернуть в обратную сторону.

Как правило, круг этот проходил по сложной пересеченной местности, имеющей множество препятствий в виде подъемов и спусков, ручьев и речек и даже болотистых мест, если такие поблизости находились.

Но это опять же был путь для солдат, а вовсе не для авто-

мобилия «Волга», который мог отстать и застрять, а мы убежали бы, и некому было бы выталкивать автомобиль. Однажды мы даже выталкивали из болота застрявший там колесный трактор. Пьяный тракторист спал на пригорке неподалеку. Я сел за рычаги, а солдаты толкали тяжелую машину. Так мы всем взводом и вытолкали трактор на чистое место. Тракторист, когда проснулся, здорово этому удивился.

В этот раз я не стал поворачивать взвод туда, где «Волге» было точно не проехать. А решил совершить разворот прямо на дороге, на месте то есть. Сделать это было проще всего, дав команду:

– Стой! Кругом!

Так я и сделал. Таким образом, бегущие позади, то есть отстающие, оказались ведущими и должны были теперь задавать темп. А какой они могли задать темп, если раньше отставали?

И потому темп вынужден был снова задавать я, как командир. Я обогнал взвод и увидел бегущего впереди всех рядового Самойленко. Рядового Максимова, который раньше отставал на несколько шагов от Самойленко, видно не было, как не было видно и самого профессора Горохова. Только где-то впереди мигнули в темноте габаритные огни автомобиля. «Волга» въехала на вершину пригорка и сразу начала спуск. Габаритные огни пропали из вида.

Я поравнялся с Самойленко и спросил:

– Где наш представитель науки?

– В машину сел...

Признаться, я готов был слегка психануть, подумав о том, что профессор позвал с собой в машину и рядового Максимова, который с бегом не дружит. Не жалуется, бежит, но обязательно отстанет. Однако победители и отстающие всегда есть даже среди профессиональных спортсменов, и применять к солдату строгие меры я не считал необходимым.

Однако, если он оставил взвод на дистанции марш-броска и ушел с профессором в машину, хотя бы ненадолго, чтобы дыхание перевести, это уже было злостным нарушением дисциплины, то есть тем, что на армейском жаргоне называется «сачкованием». А это уже строго наказывается.

– А Максимов? С профессором? – снова поинтересовался я у Самойленко. Голос мой, должно быть, звучал строго, потому что я откровенно сердился.

Рядовой Самойленко поберег дыхание, не стал отвечать словами, но отрицательно покачал головой и большим пальцем показал себе за спину. Жест был красноречивый и понятный. Я обернулся, но различить лиц в темноте не мог. Позади нас, за нашими спинами, бежал, почти не перестраиваясь, весь взвод. Только командиры отделений, оказавшись после разворота позади, перебежали вперед.

– В строю? – удивился я.

Ростом Максимов высокий, обычно он стоит в числе первых в отделении. Чтобы вернуться на свое привычное место, Максиму требовалось приложить много сил, которых

у него, как мне показалось, не было. И потому я не поверил, посчитав, что рядовой Самойленко желает «прикрыть» товарища.

Я на бегу включил на коммуникаторе внутривзводную связь и требовательно позвал:

– Максимов!

– Я! – отозвался рядовой. Но отозваться он мог одинаково и из строя взвода, и из машины. И потому я подал новую команду:

– Ко мне!

И тут же увидел, как из строя выступила в сторону высокая фигура и резко пошла в обгон взвода. Это был Максимов. И бежал он ко мне не со стороны машины. Удивиться было чему. Он бежал при этом так уверенно, как никогда не бегал.

– Давно он строй догнал? – спросил я у Самойленко.

– А как его при вас, товарищ старший лейтенант, профессор к себе подозвал, после этого и ломанулся, как лось. Я думал, вы видели...

Я не стал дальше расспрашивать Самойленко, поскольку солдат разговаривать на бегу не умел и половину слов глотал из-за неровного дыхания.

У меня сразу всплыла в голове сцена, в которой профессор давал Максиму понюхать содержимое своего флакончика. Да и сам он в начале бега нюхал. И невольно нынешние необычные способности Максимова к бегу я связал с этим

профессорским флакончиком. Больше объяснить случившееся мне было нечем...

Глава первая

Догонять «Волгу» я не планировал, да это было бы бесполезным делом, хотя она не отдалялась и не спешила вернуться в расположение военного городка раньше нас. Главное, я убедился, что рядовой Максимов не катается в салоне автомобиля, когда другие совершают марш-бросок, и это было для меня, как командира, самым важным. Я вообще не люблю обмана, а это было бы прямым обманом.

Тем не менее уже ближе к завершению маршрута, когда оставалось пробежать по мосту, одолеть небольшой подъем, а дальше напрямую, без подъемов и спусков, добраться до ворот батальонного военного городка, я увидел, что «Волга» остановилась. Я бежал впереди взвода и потому первым поравнялся с машиной. Открылась, как я и предполагал, задняя дверца. Иначе машине не было бы смысла останавливаться, если бы она никого не дожидалась. А дожидаться она могла только меня. Едва ли Георгий Георгиевич желал поговорить с кем-то из солдат, с которыми не был знаком. Разве что хотел спросить что-то у рядового Максимова, но это он мог бы сделать и в казарме, не останавливаясь на дороге.

– Командир, – позвал меня профессор. – На пару минут...

– Сейчас, Георгий Георгиевич... – Я обернулся, дал указания старшему сержанту Лохметьеву продолжать маршрут в более высоком, финишном темпе, как обычно бывает под

завершение дистанции, и не стал при этом объяснять, почему я сам сажусь в машину, а не бегу вместе со взводом. Это походило бы на оправдание. А командир никогда не должен оправдываться за свои действия. Это важный психологический момент. Пусть лучше солдаты ворчат, что я заставил их бежать, а сам на машине еду, чем они услышат мои оправдания. Оправдывается всегда только тот, кто свою вину чувствует. А командир прав, даже когда он не прав, – это закон воинской субординации, на котором вся армия держится. Так меня учили еще в училище. И научили...

Профессор Горохов подвинулся, освобождая место, я сел на заднее сиденье. И он тут же поставил мне на колени раскрытый ноутбук. Но не тот, с которым он бегал. Тот был черный, а этот темно-синий. Я посмотрел в монитор. Там был график со множеством синих кривых линий, в основном идущих параллельно друг другу по кривой траектории. И была одна красная линия, что сначала шла тоже параллельно синим, но на каком-то участке отклонилась и пошла по своей траектории, однако в дальнейшем резко изменила направление, выровнялась вместе со всеми, а потом, пересекая все синие, вышла наверх и пошла, расширяя существующий угол.

– Что это? – спросил я. – Извините, Георгий Георгиевич, но в ваших программах я ровным счетом ничего не понимаю. По количеству общих линий могу предположить, что каждая линия – это боец моего взвода. Это только на-

вскидку, потому что количество линий я не считал. Наверное, и я там есть, и вы тоже...

– Из чего вы сделали этот быстрый вывод? – живо спросил Горохов, переглянувшись с человеком на переднем сиденье, что только что обернулся. Я узнал в нем одного из ассистентов профессора.

– Видно, что одна из линий прерывается раньше, чем другие. Это, видимо, ваша линия. Есть и вторая, что прервалась намного позже. Похоже, вот только что. Это, видимо, моя...

– Вы легко реагируете на события и умело делаете правильные выводы, – отметил профессор.

– А как иначе, – согласился я, – профессия обязывает. У нас без быстроты мышления выжить невозможно. В боевой обстановке умение быстро принимать решение часто становится критической величиной.

– Возможно... Только согласно последним исследованиям нейрофизиологов и нейролингвистов средний человек начинает действовать через тридцать секунд после того, как мозг оценит ситуацию. Я много лет работал со сборными командами в разных видах спорта. Там, естественно, собирались не среднестатистические люди. У них реакция несравнимая, реакция почти моментальная. Надеюсь, и у вас тоже, и у ваших солдат... Вас трудно отнести к среднестатистическому человеку, который больше, к сожалению, спит, чем заставляет мозг работать или обучаться чему-то.

– Я на это скромно надеюсь. Иначе мне нечего было бы

делать во главе взвода! – проявил я соответствующую скромность в самооценке.

Горохов мою скромность или совсем не заметил, или принял как должное и вполне естественное. По крайней мере, своей реакции на мои слова не показал, даже спустя тридцать секунд.

– А вот красная линия... Обратите внимание, командир. Сначала она идет параллельно другим. Это до наступления усталости. Это рядовой Максимов, кстати. Потом начинает постепенно понижаться вместе с другой линией. Рядовой Самойленко... Они вместе отстали. Понижение кривой линии – следствие подступившей усталости, что было зафиксировано энцефалографом в шлеме. Это – я про наступление момента усталости говорю – было на ваших глазах, командир. И на моих. Вот моя линия. Она идет параллельно линиям всего взвода. Здесь, на графике, я объясню, не указывается, кто в каком месте бежит. Здесь фиксируется только физическое напряжение и способность к дальнейшей нагрузке. Кто раньше других устает, у того ниже кривая линия графика.

– Тогда, судя по графику, вы уставали не больше солдат взвода, если не меньше, поскольку ваша линия находится выше среднего уровня взвода, – сделал я вывод, который меня удивил.

– Да. Так оно и было. Я был в состоянии бежать всю дистанцию до конца и даже мог бы вас всех обогнать. И у меня не было бы необходимости переходить на быстрый шаг.

Я мог бежать всю дистанцию, не чувствуя усталости, – уверенно, если не сказать, излишне самоуверенно и даже самоуверенно, заявил он.

Я в ответ только усмехнулся, профессор это заметил. Он вообще был, как мне показалось, человеком чувствительным. И попытался объяснить свою уверенность доступным мне языком, иначе говоря, «объяснил на пальцах», как с круглыми дураками общаются:

– Это не моя в общем-то заслуга. Не заслуга моего организма и никак уж не заслуга моей тренированности. Вы же заметили у меня в руке флакончик с дыхательным препаратом. Я позволил себе несколько вдохов, то есть тройную или четверную порцию. Этого было достаточно, чтобы я мог бежать.

– И что? – Я предпочитал быть не круглым, а по крайней мере «квадратным дураком», то есть «дураком в квадрате», и не желал верить во всякие средства, способные сделать из человека суперчеловека. Я все это считал ненаучной фантастикой. В свое время я интересовался этой тематикой. Пересмотрел много фильмов, перечитал несколько книг и даже имел удовольствие посетить несколько лекций по данной теме. В итоге я пришел к выводу, что возможно все, но только в неопределенном будущем, которое не станет нас дожидаться. Будущее вообще не любит ждать, оно постоянно уходит вперед на недостижимое для нас расстояние. А пока, чтобы не ждать, следует усердно и усиленно заниматься физи-

ческой и боевой подготовкой – в этом я видел единственный доступный способ воспитать из солдата настоящего, серьезного бойца спецназа.

– Потом, командир, вы же сами видели, что произошло с вашим солдатом – рядовым Максимовым... – Меня, признаться, раздражала его манера называть меня «командиром». Так водители обращаются к остановившим их инспекторам ДПС. А у меня есть фамилия-имя-отчество, прекрасно известные Георгию Георгиевичу. Если они ему не нравятся, может называть меня просто по званию. Вообще-то у нас в спецназе ГРУ присутствует в обиходе слово «командир». Так, для краткости, обычно называют офицеры младшего звена офицеров старшего звена. Это бывает элементом боя, таким же элементом, как и все другие. Во время боя допускалось назвать своего командира не по званию, а просто командиром. Для экономии времени. Так доходчивее. А тут человек посторонний... Мне это казалось излишней фамильярностью. – Вы сами прекрасно видели, после того как я дал Максиму понюхать флакон, только один раз. Он сразу обрел новое дыхание.

– Я, к сожалению, не видел этого момента. Я убежал чуть раньше, чтобы не отстать от взвода. Но мне сообщил рядовой Самойленко, что Максимов «ломанулся, как лось». У меня нет оснований не верить своему солдату, который подтверждает ваши слова. Значит, эта красная линия – это рядовой Максимов?

– Он самый. И только на основании первичного поверхностного анализа я могу сказать вам, командир, что рядовой Максимов, после того как понюхал стимулятор, стал в состоянии обогнать любого во взводе, в том числе и вас, и задать такой темп передвижения, который никто из вас бы не выдержал.

– А когда будут готовы результаты более широкого, развернутого анализа? – снова позволил я себе усомниться.

– Когда мы с коллегами полностью изучим показания приборов. Датчики снимали основные показатели работы мозга. Но работа мозга, хотя и позволяет судить о функционале того или другого бойца, все же не дает полной картины. Мало ли что может случиться. В графике можно отследить работу легких и сердца, на которые влияет содержимое моего флакончика. Но у человека во время такого бега могут начаться боли в печени или, скажем, вылезут какие-то старые травмы позвоночника. Всякое может быть... Полные данные могут показать функционал всех солдат взвода и нас с вами. Но для этого придется бегать в специальном костюме, которого у меня нет с собой в этой поездке.

– Понял. Буду ждать, – согласился я.

– Когда я распечатаю предварительные результаты, а я сделаю это сразу же после возвращения, их необходимо будет подписать. У нас это называется «Акт проведенных испытаний». Ваша подпись, командир, будет решающей визой.

– Только я подписываю любой документ, предварительно

внимательно изучив его...

– Я разве возражаю?

– А что такое было в вашем флакончике, Георгий Георгиевич? – не выдержал я.

– Это стимулятор. «Стимулятор Горохова», как я его называю. Воздействует напрямую через мозг на различные центры нервной системы. В зависимости от ситуации, от предстоящих действий можно подготовить различный состав и воздействовать на различные центры, хотя есть и общий рецепт.

– И что? Достаточно понюхать, и появляются небывалые возможности?

Профессор задумался только на пару секунд. Потом спросил меня:

– Вы знаете, что такое ароматерапия? Знаете, на чем она основана?

– Весьма приблизительно. Я к медикам стараюсь не обращаться, а это же что-то из медицины. А на чем ароматерапия основана – для меня это вообще, грубо говоря, «темный лес». Ни малейшего понятия не имею. Да мне это при моей профессии и не требуется, честно говоря.

– Ароматерапия – это методика лечебных действий. Я могу только порадоваться за вас, командир, что вам не приходится к врачам обращаться, но все мы под Богом ходим, и потому не следует зарекаться! А основана ароматерапия на лечении запахами. Преимущественно приятными, хотя это

и не обязательное условие. Ученые, работающие в области мозговой деятельности человека, давно обратили внимание на тот факт, что из всех чувств – зрения, осязания и прочих – особняком стоит обоняние. То есть запахи. Запахи входят в мозг напрямую и так же напрямую воздействуют на него...

– То есть, если у человека болит печень или, скажем, он страдает от язвы желудка, ему предлагают лечить мозг? – спросил я.

– По большому счету дело так и обстоит, поскольку именно мозг управляет всеми органами человека. Вот вы, как и абсолютное большинство людей, считаете, что вы собой управляете. Но специалисты по нейропсихологии, а это с некоторых пор отдельная наука, только рассмеются над вашим утверждением. Вами управляет ваш мозг. И не мозг по большому счету является органом вашего тела, а вы являетесь оболочкой, в которой мозг живет. Извините уж, командир, что я вынужден принизить значительность вашей личности, но ваш мозг живет самостоятельной жизнью, а вы только подчиняетесь ему. Я вам это со всей ответственностью заявляю. Однако, помимо управления всеми вашими поступками, у мозга есть еще множество других функций. Таких как, я уже сказал только что, управление органами вашего тела. Например, той же печенью или желудком. Даже вашей походкой управляет мозг. И многие психотерапевты даже по походке человека в состоянии определить у него то или иное психическое заболевание.

– Я по своей природной наивности, Георгий Георгиевич, почему-то всегда считал, что мной управляет мое собственное сознание, – не слишком убедительно возразил я.

– Считайте на здоровье, – согласился Горохов. – Можете даже считать, что вами ваша душа управляет. Но сначала попытайтесь дать мне точную научно обоснованную формулировку сознания. Что это такое?

– Откуда же я могу знать. Это прерогатива ученых – давать формулировки.

– А никто из ученых не может точно этого сказать, как не может определить, где в теле жилище сознания, где жилище души... Вот где мозг находится, мы знаем. Более того, мы знаем, что мозг, говоря современным компьютерным или полуконьютерным языком, это – гиперсеть гиперсетей, а не те два полушария, о которых мы ошибочно говорили еще несколько лет назад. Одно – гуманитарное и чувствительное, второе расчетливое, почти математическое. Еще недавно это не подлежало сомнению, однако нашлись люди, которые усомнились, и сейчас бытует мнение о более сложной системе мозга. Ему постоянно нужна энергетическая подпитка. У взрослого человека один только мозг «съедает» двадцать пять процентов всей получаемой организмом энергии. А остальное он самостоятельно, не спрашивая ни человека, ни его сознание, распределяет между различными органами тела, кому сколько требуется. И потому можно однозначно и уверенно говорить, что мозг управляет человеком, а не че-

ловек мозгом. Что мозг решит, то человек и выполняет. А решает он самостоятельно. Опять с сознанием не советуясь. Но вернемся к ароматерапии. Единственный сигнал, который мозг воспринимает как обязательный к исполнению, – это сигнал, подаваемый обонянием. На этом ароматерапия и работает. Опытным путем было установлено, какие участки мозга за работу какого органа отвечают. Также опытным путем устанавливалось воздействие на этот участок определенной структуры запаха. С этого и началось лечение. И не только лечение, но и прямое воздействие, как вы сами, командир, сегодня убедились на примере рядового Максимова. Моя работа по большому счету выросла из ароматерапии, хотя и перестала быть собственно терапией, в привычном понятии этого термина.

– Возможно, Георгий Георгиевич, возможно, – не стал я отрицать того, что своими глазами видел. – Вам это известно гораздо лучше, чем мне. Я тоже вижу практическую возможность применения таких методов. И готов вам помогать в ваших изысканиях...

Я ни на что не купился, я просто увидел старание человека добиться результата и готов был ему оказать в этом по-настоящему помощь.

– Всего вы видеть еще не можете, потому что просто не знаете этого. Я вам сейчас расскажу историю, как Константин Егорович, – профессор Горохов кивнул в сторону сидящего на переднем пассажирском сиденье человека, – после

того, как попытался испытать препарат на себе, умудрился в центре Москвы вляпаться в криминальную историю, когда киллеры на его глазах хотели убить одного известного бизнесмена. Константин Егорович, человек сугубо мирный, хотя в молодости и служил в морской пехоте, умудрился не только свалить двух киллеров, третьего застрелил охранник, но и, в дополнение к этому, схватил один из пистолетов и выстрелил с дальней дистанции в раскрытое окно дома через дорогу, откуда собирался стрелять снайпер. Таким образом, не умея стрелять из пистолета, впервые в жизни взяв его в руки, Константин Егорович застрелил и снайпера, и его помощника с предельной для пистолетной стрельбы дистанции. И все это, у нас в лаборатории не возникло сомнений, было связано с действием препарата, который наш коллега испытал на себе. Он ведь не знал, в какую ситуацию ему суждено попасть. После приема препарата занимался обычным решением математических задач. А когда пошел домой, такое случилось...

– Вы рассказываете интересные вещи, Георгий Георгиевич, – сказал я. – Кажется, в Интернете я встречал эту историю. Так это был Константин Егорович? – Я посмотрел на ассистента профессора с повышенным уважением. И меня даже его старенькие неуклюжие очки в роговой оправе не смутили. – Я впечатлен, признаюсь, и готов, как уже сказал, вам помогать... И даже попытаюсь недоверчивость нашего комбата перебороть. Короче говоря, можете на меня рассчитывать, Георгий Георгиевич.

– Вот это, командир, главное, для чего я сегодня с вами побежал... – признался Горохов. – Не зря бежал, значит.

Я уже, кажется, перестал обижаться на обращение «командир». Наверное, профессору Горохову нравилось произносить это слово, и он его произносил. Это была его слабость. А я умел прощать чужие слабости, понимая, что у меня у самого различных слабостей полный маршевый рюкзак наберется...

* * *

Мы уже находились на территории поселка, в котором стоял наш батальонный городок, когда навстречу «Волге» пробежал еще один взвод нашей роты – шестой. Тот самый взвод, у которого первоначально в расписании значился этот марш-бросок и вместо которого побежали мы. Вчера после ужина начальник штаба сообщил мне, что поменял расписание, и моему взводу предстоит, в соответствии с новым графиком, с утра преодолеть дистанцию марш-броска. Что послужило поводом к смене расписания, начальник штаба объяснять не стал, а я не стал уточнять. Мало ли какие у инструкторов, проводящих во взводах занятия, могут быть обстоятельства. Это только марш-бросок не требует дополнительного специалиста-инструктора, да еще, может быть, «рукопашка», хотя и там часто без инструктора, бывает, не обойтись. Да и существенной разницы я не видел. Что в

новый, обозначенный расписанием день бежать, что через день, как значилось в расписании раньше, – бежать все равно пришлось бы.

Но у меня откуда-то появилась мысль, что в этот раз расписание сменили преднамеренно и вне зависимости от занятости инструкторов. Комбат пожелал, чтобы профессор Горохов побежал именно с моим взводом. Почему? Мне подумалось, что подполковник Лихоедкин посчитал меня наименее сговорчивым и даже, может быть, наиболее упрямым среди других командиров взводов. По крайней мере, самым несговорчивым. И комбат рассчитывал, что Горохову не удастся найти со мной общий язык.

Автомобиль я покинул только перед самыми воротами, метров семьдесят не доехав до них, но вовсе не для того, чтобы показать кому-то, что я вместе со взводом всю дистанцию преодолел. Для меня эта дистанция была привычной, и ни у кого не возникло сомнений, что я могу с марш-броском не справиться. Кроме того, мне было абсолютно безразлично, что обо мне кто-то скажет или подумает. Просто я закончил разговор с профессором Гороховым, попросил остановить машину, вышел, дождался взвода и занял свое место во главе подразделения.

Ворота военного городка при нашем приближении распахнулись, и взвод пробежал в направлении казармы. После марш-броска перед следующими занятиями взводу обычно дается время, чтобы принять душ и отдохнуть. Я тоже при-

нял душ и, выйдя в казарму с полотенцем в руках, увидел, что профессор тоже вернулся сюда же, хотя у него, как и у его ассистентов, была своя комната в штабной гостинице.

Георгий Георгиевич явно кого-то искал. Предполагая, что меня, я сам направился к нему. И не ошибся. Я на ходу вытирал полотенцем волосы. Они у меня хоть и короткие, тем не менее не слишком приятно, когда выходишь на улицу, а волосы сразу замерзают. Несмотря на то что температура на улице в последнюю неделю держалась в районе десяти градусов, этого могло хватить, чтобы застудить голову. И хотя я человек крепкий, закаленный и не имею склонности к простуде, все же предпочитаю лишний раз не рисковать. Тем более что голова – это инструмент офицера. Можно получить тяжелое ранение в руку или ногу, это не мешает вести бой. А с ранением в голову офицер, как правило, из боя выбывает.

Я посмотрел на профессора, вспомнил его речь и тут же сам себя поправил: не голова является инструментом офицера, а его мозг. Возможно, если верить утверждениям Горохова, именно мозг и является для каждого офицера главным «командиром».

– Меня ищите, Георгий Георгиевич? – поинтересовался я.

Он вынул из папки несколько листов принтерной распечатки, в том числе графики, которые я никогда не любил и предпочитал с ними не работать.

– Вы, наверное, забыли, что нам следует подписать акт ис-

пытаний. – Горохов словно пригрозил своими бумагами.

– Это, видимо, вы забыли, что имеете дело с офицером спецназа ГРУ, у которого один из главных рабочих инструментов – память. Я все помню, только вы не сказали, когда их распечатаете. Если уже распечатали, я, как и предупреждал, сначала все прочитаю, потом приму решение, подписывать или не подписывать.

– У вас есть сомнения относительно правильности моих выводов?

– Как я могу предположить, есть у меня сомнения или нет, если я даже не знаю сути этих выводов? Давайте я сначала прочитаю.

Я провел профессора в офицерский кубрик. Обычно каждый кубрик в большом общем помещении отводится на отделение какого-то взвода. Но есть два офицерских кубрика, где время от времени, когда, например, ожидается объявление тревоги или идет подготовка к предстоящей операции, офицеры роты обитают и даже ночуют. Офицерские кубрики, в отличие от солдатских, рассчитаны на четырех человек и имеют в дополнение еще письменные столы, розетки подключения к Интернету и внутренние телефоны. Время от времени кто-то из командиров взводов приносил в кубрик свой ноутбук. У меня ноутбука на было, дома был только стационарный большой компьютер. Потому мы с офицерами сбросились и купили себе общий компьютер. Он был не самым мощным, но нам его вполне хватало.

Именно там я и уселся за стол, чтобы прочитать акт, составленный скорее всего не самим профессором Гороховым, а его ассистентом.

Чтобы проверить себя, я спросил:

– Текст акта вы составляли?

– Когда бы я успел...

– Константин Егорович?

– Да. Он, если видели, еще в машине данные вносил.

Во время проведения экспериментов Константин Егорович умеет быть незаменимым человеком. Все делает заранее. Кажется, и сам текст акта вечером еще приготовил, и только внес в него конкретные данные... Не случайно он называется экспериментальным ассистентом. Не должность его экспериментальная, а он работает только во время проведения самого эксперимента. В другое время он преподает в университете.

Глава вторая

Текст акта я прочитал предельно внимательно. Даже более внимательно, чем обычно читаю внутрибатальонные документы, которые приходится время от времени подписывать. Там все знакомо, а здесь что-то новое, отсюда и внимательность. А отключаться от окружающего мира ради соблюдения внимательности я научился давно. Что-то бесконечно говорил профессор Горохов, даже что-то спрашивал, а я его не слушал, я читал. И, только прочитав все до конца и еще раз рассмотрев график, который я начал понимать, как необходимый, подтверждающий результат эксперимента документ, я поставил в нужной графе свою короткую, совсем не размашистую подпись. Подписи самого профессора Горохова и его ассистента под актом уже стояли.

– Дополнения или возражения будут? Если есть, сразу говорите, мы внесем их в раздел «Особое мнение». Он пока пуст...

– Нет. Ни возражений, ни дополнений...

– Осталось только утвердить акт у подполковника Лихоedкина. Самое сложное.

– Если возникнут вопросы, вызывайте меня, – выразил я согласие, которого Горохов, видимо, и добивался, это я понял по радости, промелькнувшей в его глазах. Но он желал, похоже, большего.

– Как вы думаете, до занятий по рукопашному бою нас могут допустить?

– Это вопрос не моей компетенции. – Я сделал «ход конем», протягивая профессору подписанные экземпляры акта.

Он аккуратно сложил листки, я вытащил из ящика стола прозрачный пластиковый файл и протянул Горохову. Он поблагодарил и убрал в него документы.

– Я собрался с собой файлы привезти. Но, как всегда, забыл.

– Память подводит?

– Скорее не память, а рассеянность. С памятью у меня все в порядке даже с астрологической точки зрения. У меня жена, извините, астролог, ей доступны многие понятия, которые мне неведомы.

– А за что вы извиняетесь? За то, что жена астролог? Если хороший астролог – это здорово. Некоторым за всю жизнь так и не удастся встретиться с хорошим астрологом...

– Она хороший астролог, так, по крайней мере, о ней говорят. Мне она объяснила, что моя память обуславливается соединением Луны и Сатурна в моей натальной карте². А рассеянность только тем, что я родился под знаком Близнецов, но у меня в карте поврежденный и плохо аспектированный Меркурий, мой управитель.

– Мне это, не знаю уж, к счастью или к сожалению, ничего

² Натальная карта – гороскоп по дате рождения человека.

не говорит. А сам я предпочитаю свою память тренировать специально для этого разработанными методами, как и другие офицеры спецназа.

– Я допускаю определенную эффективность таких тренировок, – согласился профессор. – Но приведу вам один простой пример. Моя единственная дочь – художник. Наверное, даже неплохой художник. По крайней мере, так про нее говорят. И ее муж – тоже художник. Но он – художник, что называется, от Бога, а она от обучения. И я вижу существенную разницу между их работами. И это, как я считаю, аналогия с тренировками по развитию памяти. Хотя существуют, наверное, и определенные методы прямого воздействия на мозг. На определенные зоны мозга. Надо навести справки. Если такой методики нет, ее следует разработать. Это как раз мой профиль. Вы, командир, дали мне хорошую подсказку. Благодарю. А сейчас я иду к подполковнику Лихоедкину. Если что, он вам позвонит. Он знает ваш номер?

– Он знает номера сотового и внутреннего телефонов. Пусть по любому из них звонит. В крайнем случае можно позвонить дневальному по роте. Дневальный даже в душе найдет и вызовет...

* * *

Я отправил взвод на занятия по теории минного поиска. Там мое присутствие было необязательно. Инструктору мог-

ли при необходимости помочь и замкомвзвода старший сержант Юра Лохметьев, и штатный сапер взвода младший сержант контрактной службы Рашид Шарифисламов. Оба они в минном деле разбирались хорошо. Зря, что ли, Лохметьев раньше занимал должность штатного сапера?

Сам же я, сидя за столом в кубрике, ждал звонка комбата и даже подготовил речь в поддержку эффективности методики профессора Горохова. Я не намеревался ничего придумывать, я хотел говорить только о фактах, которым был свидетелем. Но звонка все не было и не было. И я уже подумал, что комбат настолько резко отверг все варианты сотрудничества с профессором Гороховым, а от него можно было ждать и такого поворота, что Горохов совершенно забыл о желании пригласить меня в помощники. Или же, наоборот, подполковник все без вопросов подписал, поскольку мне доверял, неоднократно представляя меня как лучшего в батальоне командира взвода, и мою подпись оценил. Вообще репутация в армии значит больше, чем на гражданской службе. Моя репутация всегда была безупречной.

Я уже намеревался уйти в штабной корпус, где в специализированной аудитории, привычно называемой «классом», проходили занятия моего взвода. Аудитория располагалась на втором этаже. Я прошел мимо стойки дежурного и уже ступил на лестницу, когда в чехле на поясе у меня зазвонил смартфон. Одновременно меня окликнул дежурный, выглянув из дверей своего кабинета:

– Кряквин! Олег Анатольевич, тебя начальник штаба разыскивал. Загляни к нему. Он пока на месте. Правда, у него сейчас в полном составе оперативный отдел...

Начальник штаба сидел в кабинете рядом с комбатом, то есть на третьем этаже, и потому я продолжил подъем, одновременно вытаскивая смартфон, который застрял в жестком чехле. Я посмотрел на определитель номера. Звонил комбат.

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Старший лейтенант Кряквин. Слушаю вас...

Отвечал я громко, чтобы и дежурный слышал. Но комбата мой голос смутил:

– Чего орешь? Я не глухой. Ты где сейчас?

– В штабном корпусе. Поднимаюсь по лестнице.

– Сразу ко мне поднимайся. Срочно.

Голос звучал категорично и не позволял заглянуть в аудиторию на втором этаже. Впрочем, там и без меня все было хорошо.

– Есть, сразу к вам подниматься, товарищ подполковник.

Может быть, я догадался, может быть, просто почувствовал – это со мной тоже время от времени случается, – что начальник штаба батальона и комбат разыскивали меня по одному и тому же поводу и отсутствие звонка от подполковника Лихоедкина, вызывающего меня в помощь профессору Горохову, тоже как-то с этим связано.

На втором этаже штабного корпуса, только не в том крыле, где располагалась специализированная аудитория обуче-

ния минному делу, находилась и батальонная штабная гостиница, состоящая всего из трех комнат. Скорее всего профессор Горохов был в настоящий момент там. Но я вовсе не намеревался его посещать и даже, пересекая площадку второго этажа, откуда коридор просматривался в обе стороны, поспешил, опасаясь, что Горохов может в самый неподходящий момент выглянуть из своей комнаты и, заметив меня, позвать ради пустяковой болтовни. А меня ждал комбат, к пустяковой болтовне склонности не имеющий. Обижать профессора, памятуя его детскую улыбку, не хотелось, но приказ комбата есть приказ. И я в любом случае поспешил бы по приказу, а не по зову Горохова.

Но, чтобы попасть в кабинет командира, мне следовало пройти мимо распахнутой двери кабинета начальника штаба. Я проскочил мимо нее быстро, успев только мельком заметить мудрые офицерские задницы, торчащие над столом. Мудрые офицерские головы в это время склонились над картой. Мне не хотелось, чтобы меня заметили из кабинета до того, как я посетую комбата.

Я постучал в дверь подполковника, но не услышал приглашения. И тогда понял, почему была открыта дверь в кабинет начальника штаба – комбат находился там. Но мой стук в дверь он все же услышал и вышел в коридор, недобро кивнув мне, из чего не трудно было сделать вывод, что комбата достают какие-то проблемы.

Лихоедкин рукой остановил мой доклад, когда я уже воз-

духа в рот набрал, чтобы начать говорить. Открыл дверь и запустил меня в кабинет. Сам тяжелой походкой вошел следом.

Я скромно шагнул в сторону, пропуская его к столу. Садиться на стул у меня намерения не было. Званием и годами, как говорится, еще не вышел.

– Ну что, Кряквин, тебя, говорят, «ксендзы одолели»³?

– То есть, товарищ подполковник? – не понял я.

– Ну, может, не ксендзы, так ученый люд... Для меня они все одним миром мазаны... Ученый люд на тебя прочно насад, у попов научились, и ты сдался. Так я ситуацию вижу...

– Не совсем верно, товарищ подполковник. Я согласился с написанным в акте только потому, что сам убедился в действительности фактов и в действительности «стимулятора Горохова», как он называет свой препарат. А про «подвиги» Константина Егоровича – это экспериментальный ассистент Георгия Георгиевича – читал еще раньше в Интернете.

– Ну, именно из-за подвигов его ассистента Горохова к нам и прислали. Порекомендовали помочь и извлечь, если можно, пользу. Ладно. Значит, ты подписал акт в добровольном порядке, в здравом уме и твердой памяти, никто на тебя не оказывал давления, никто пистолет к затылку не приставлял, и свою подпись отзывать ты не собираешься даже под моим давлением. Так?

– Так точно, товарищ подполковник.

³ Крылатая фраза Остапа Бендера из романа «Золотой теленок»

– Хорошо. Я знаю, что ты человек упрямый и насильно заставить тебя подписать документ практически невозможно. За что и уважаю. Люблю, когда подчиненные свое мнение имеют. Тогда другой вопрос. Переедем, грубо говоря, резко в другую колею, то есть на другую тему поговорим. Ты с Северного Кавказа со своим взводом когда вернулся?

– Через неделю будет два месяца, товарищ подполковник.

– Нервное напряжение во взводе еще присутствует?

Нервное напряжение является обязательным сопутствующим элементом участия в боевых действиях. Сложно и под пулями находиться, и самому убивать. Особенно если убивать приходится в первый раз. Я встречал солдат, которых после этого даже рвало. Второе, может быть, еще сложнее и в области нервного напряжения. Долго потом чужая смерть снится. Это прекрасно знали и я, и командир батальона.

– Думаю, уже нет. Солдаты вошли в нормальный ритм занятий, по которым можно определить внутреннее состояние солдат. Не сразу, конечно, получилось, недельку собирались. Потом все пошло как полагается. Но это, как вы, товарищ подполковник, хорошо знаете, со всеми бывает, кто из боевой командировки возвращается. Беда в том, что там, в военном городке, нет возможности занятия проводить. И эта командировка, несмотря на опасность, для солдат как отпуск. Расслабляет сильно. Сильнее, чем нагружает. А после расслабления, тем более такого длительного – полугодового, в естественный ритм войти бывает сложно. И даже приказной

порядок здесь не всегда работает.

– Я не про то спрашиваю. Я спрашиваю про общее самочувствие солдат...

– В норме самочувствие.

– А сам как? Тоже в норме?

– Я – офицер, а офицер обязан всегда быть в норме.

– Значит, снова на Северный Кавказ в краткосрочную командировку сгонять сможешь?

– Со взводом?

– Естественно. От одного тебя в данной ситуации толку будет мало. Извини уж, что я так откровенно говорю. Но так оно и есть...

– Я, товарищ подполковник, еще и с ситуацией не знаком. Но вместе со взводом могу отправиться в командировку хоть сегодня.

– Сегодня не надо. Лучше завтра или даже послезавтра. Так оперативники просчитывают. Кроме того, тебе или кому-то из твоих бойцов предстоит пройти короткое обучение работе с новой техникой, а твоему саперу придется изучить, возможно, новую мину. Там, на месте, уже есть взвод твоей роты, который тебя в сводном отряде сменил. Старший лейтенант Простолудинов. Им операцию следует проводить сложную, многоходовую, против опытной банды, вернувшейся из Сирии, а в сводном отряде своих сил не хватает – все в разгоне по разным республикам. В Москве в курсе дела. Сначала хотели запросить взвод из Моздока. Те рядом

базируются. Думали, так оперативнее получится. Но позже просчитали, что запас времени имеется. А потом вообще решили, что сменный взвод, твой то есть, уже отдохнул и обстановку забыть еще не успел, следовательно, может сориентироваться лучше других. Кроме того, вы с Простолодиновым из одной роты. Вам легче понять друг друга в боевой обстановке.

– Мы в армии, товарищ подполковник. Как только поступит приказ, сразу будем готовы.

– Как только оперативный отдел заключение подготовит, я тебя вызову. Или начальник штаба. Будь готов. Или по вопросу обучения вызовем, как только специалист прилетит. Специалиста из Москвы самолетом должны отправить. Что за специалист, пока говорить не буду. А наша проблема вот в чем. И проблема серьезная. Мне звонили только что из Москвы. Сам командующий звонил, а на него, как я понял, давят из Генерального штаба...

– «Стимулятор Горохова»? – догадался я.

– Точно так. И не только это. Вообще просят профессора со всей его командой, а их, как ты знаешь, трое, взять с собой в командировку. Ученые могут пригодиться и в освоении новой аппаратуры, с которой тебе предстоит работать.

– Исключено! – проявил я категоричность. – Сотрудничать с профессором я могу. Могу даже взять с собой что-то из его аппаратуры и по возвращении предоставить ему полный отчет. Но охранять его там в дополнение к основной за-

даче – это слишком даже для спецназа ГРУ.

– Это слишком особенно для спецназа ГРУ, где боевые действия часто ведутся уникальными методами... – добавил подполковник. – Я обещал командующему поговорить с тобой, как с командиром взвода, а потом перезвонить ему. Приказать тебе я не имею права. Я прямо сейчас и перезвоню... А ты иди пока... Можешь к Горохову на второй этаж заглянуть. Он уже в курсе дела. Обговори с ним варианты – чем ты можешь быть ему полезным в его работе. Но ни на какие уговоры не поддавайся. Иначе командующий подумает, что это не твое решение, а мое давление... По пути можешь что-нибудь у начальника штаба и оперативников спросить. Там хотя бы главные условия объяснят. Все данные у майора Жандармова. Что на мое имя прислали, я все ему передал...

* * *

Хорошо зная, насколько планы оперативников бывают оторванными от действительности, существующей где-то там, в отдалении, на относительно неблизком Северном Кавказе, даже если планы составляются через военный Интернет совместно с оперативным отделом базирующегося в Дагестане сводного отряда спецназа ГРУ, где оперативники тактику операций тоже разрабатывают у себя в голове, а не среди горных ущелий и хребтов, я сначала подошел к двери соседнего кабинета. На сей раз она уже была плотно прикрыта,

а мягкая обивка с уплотнителем не позволяла услышать, о чем за дверью говорится. Командир батальона вышел и за собой дверь закрыл с присущей ему аккуратностью. А прежде оставлял ее открытой с единственной целью – меня не пропустить мимо. И не пропустил.

Я постучал, как обычно, в дверной косяк, потому что стучать по самой двери можно только кулаком, иначе обивка не позволит стук услышать. А стучать кулаком в дверь начальника штаба допускалось только в случае сильного пожара в здании или ядерной войны, что в моем понятии однозначно.

Майор Жандармов при довольно небольшом росте имел весьма солидный раскатистый бас, которому могли бы позавидовать режиссеры всех оперных театров. И его разрешение я услышал сразу – открыл дверь и шагнул через порог.

– Здравия желаю, товарищ майор, – сказал я сдержанно.

– На ловца, как говорится, и зверь... – оценил начальник штаба мое появление. – Даже самый лютый. Ты у нас не лютый, Олег Анатольевич?

– Никак нет, товарищ майор. Я даже смирный и иногда выгляжу скромным. Но только иногда и только выгляжу. Это обманчивое впечатление...

Это с комбатом было невозможно разговаривать таким тоном. С начальником штаба такое позволялось, тем более что он сам подобный тон задавал и поддерживал.

– Я рад, что мои подчиненные офицеры обладают достаточным запасом скромности. – Майор показал мне на сво-

бодный стул: – Присаживайся, тебе кое-что, вероятно, комбат уже сообщил, и у тебя наверняка вопросы возникли. Задавай, я рискну ответить, если смогу.

– Товарищ подполковник только поинтересовался, в состоянии ли мой взвод снова отправиться в командировку, кстати, предельно краткосрочную, на Северный Кавказ, а все остальное узнавать отправил к вам, товарищ майор.

– А сам?

– А сам звонит командующему.

– По поводу Горохова?

– Так точно. По поводу профессора.

– Так ты решил взять его команду с собой?

– Я отказался категорически, хотя понимаю, что могут и приказать, и тогда я никуда не денусь. Но это, на мой взгляд, будет самым скверным для взвода вариантом. Я бы предпочел на себе тащить аппаратуру профессора, будь ее хоть три мешка, и сам бы на ней работал, сохраняя все данные до возвращения, лишь бы не брать с собой людей, которые бой вести не обучены и которых солдатам придется еще и защищать. Я много раз слышал о таких вариантах, и часто дело заканчивалось тем, что солдаты собой прикрывали тех, кого охраняли. Я же за все время своей службы и за пять командировок в район боевых действий потерь во взводе еще не имел. И надеюсь, что не буду.

– Я такое отношение к солдатам могу только приветствовать, – согласился начальник штаба. – Но ты пришел ко мне

не ради этого разговора. Итак, в общих чертах представляю тебе план предстоящей операции с введением в общий курс дела и в сложившуюся обстановку. Ты, Олег Анатольевич, знаешь, чем отличается сирийская война от большинства других войн, что идут в настоящее время? Характерная особенность. То, что не свойственно, скажем, всем твоим операциям в Дагестане, хотя это в небольших дозах встречалось во время обеих чеченских войн, но ты тогда еще не служил...

– Я в Сирию, товарищ майор, ездил только в качестве конвоя с грузом и в боевых действиях участия не принимал. Приплыли мы, груз сдали и в обратный путь отправились самолетом. Я даже пределы порта покинуть своим ходом возможности не имел. Город видел только из окна автобуса, когда нас перевозили из морского порта на аэродром. Точно так же и мои солдаты. Со мной только второе отделение взвода было, если помните.

– Ну, если не знаешь, могу сообщить даже не под великим секретом. Боевики ИГИЛ, как и другие группировки, широко применяют строительство подземных ходов. Используя эти ходы, которых боевики вырыли великое множество, они в отдельные опасные моменты могут оказаться в тылу правительственных войск. Конечно, танки и другую технику по подземному ходу перебросить невозможно, и потому они в состоянии наносить только короткие и острые, при этом весьма болезненные удары, но не в состоянии нанести значительный вред сирийской армии. Решающих действий пред-

принять не могут.

– Это я слышал, товарищ майор, – согласно кивнул я. – Такая практика существует и у палестинцев, которые никак не могут с Израилем территорию поделить. У палестинцев уже много веков существует практика строительства подземных галерей. Говорят, это известно и изучено еще со времен Крестовых походов.

– Не берусь судить о Крестовых походах, знаю только, что во Вьетнаме американцы из-за множества партизанских подземных галерей чувствовали себя весьма некомфортно. В Корее... Подземные галереи Северной Кореи уже несколько десятилетий не дают покоя ни самим южным корейцам, ни американцам. Большие специалисты по подземным ходам в годы Второй мировой войны были японцы.

– Слышал я, что в Афганской войне тоже что-то такое было. – Я показывал, что тоже могу добавить слово в общий перечень.

– Там была несколько иная обстановка. Моджахеды, конечно, тоннели тоже копали, но не так часто. Чаще они пользовались кяризами. Знаешь, что это такое?

– Насколько я помню из курса по тактике партизанской войны, это система оросительных каналов, прикрытая от испарения настилом и присыпанная землей. Использует в основном сезонную талую воду, стекающую с гор, – показал я, что нас тоже чему-то в училище обучали. И я не все еще умудрился забыть.

– Ты правильно помнишь. В Афганистане их выкапывали веками, создавая под землей целые водохранилища, где «духи» потом строили острова, на которых устраивали свои склады с оружием и амуницией. А сами кяризы использовали для оперативного скрытного перемещения живой силы. По колено в ледяной ледниковой воде заходили нашим войскам в тыл и внезапно атаковали. Только позже всем нам небезызвестный полковник Владимир Васильевич Квачков, который тогда командовал отдельной пятнадцатой бригадой спецназа, на своем полигоне в Чирчике построил целую сеть кяризов, и солдаты, перед отправкой в Афган, обучались ими пользоваться. Тогда же были созданы специальные курсы по уничтожению подземных коммуникаций. Я не совсем в курсе, чему там обучали, знаю только, что путем последовательного подрыва двух противотанковых мин создавали так называемый стереофонический эффект – то есть нагнетали в тоннелях смертоносное сверхдавление, которое человек выдержать не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.